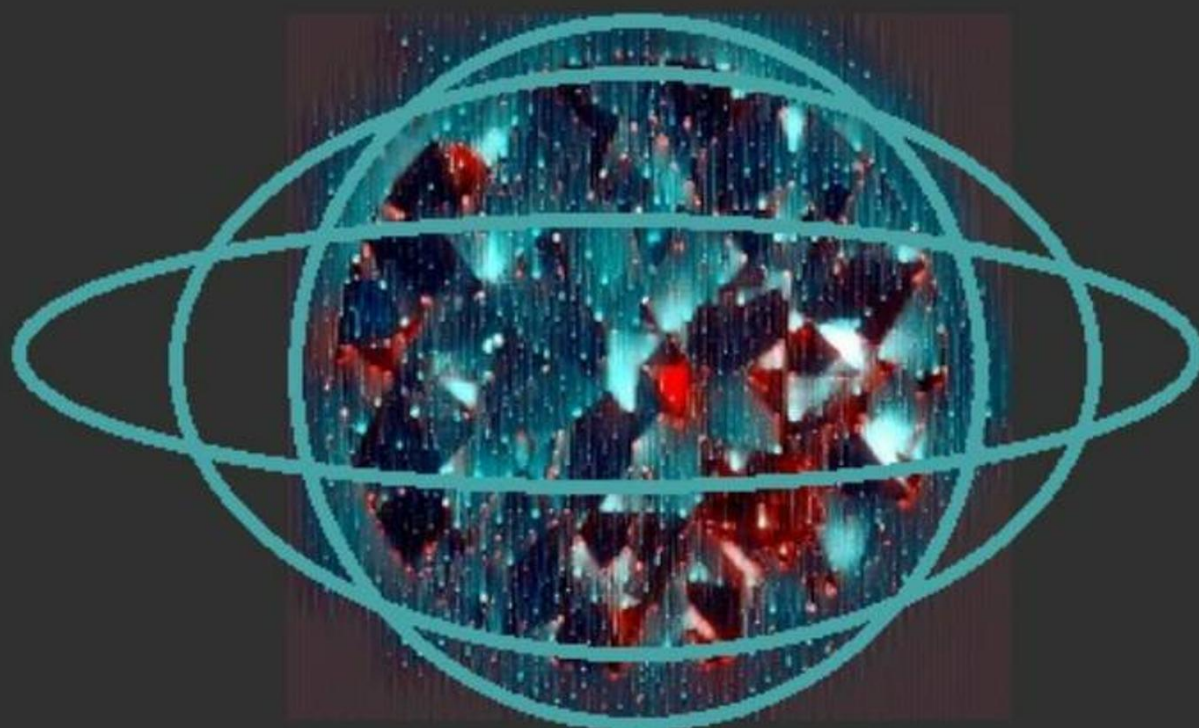

Патрацкая Н. В.

ОБЕД за АППЕТИТ

повесть

Патрацкая Н.В.
Обед за аппетит

«Автор»

2026

Н.В. П.

Обед за аппетит / П. Н.В. — «Автор», 2026

Там, где не помогает прибор «Аппетит» главному герою похудеть, приходят на помощь обычные чувства.

© Н.В. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Повесть	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Патрацкая Н.В. Обед за аппетит

Повесть

В кабинет Грановского влетел молодой человек с крепким животом и закричал:

— Вот, посмотрите, какой у меня живот! Я не могу его уменьшить с помощью прибора "Аппетит"! Мой аппетит не уменьшается! Ваш прибор не работает!!!

— Можно я посмотрю на настройки прибора? — спросил Владимир Иванович и взял у молодого человека прибор "Аппетит". — Вы поставили стрелку в другую сторону, вот и вся проблема.

— А вы не могли сделать прибор без стрелок?

— Прибор многофункционален.

— Поставьте на уменьшение аппетита, — попросил клиент затравленным голосом.

— Уже готово. Всего Вам доброго! И пониженного Вам аппетита! — бодро проговорил Владимир Иванович.

— Спасибо я Вам не скажу! Я за прибор уже заплатил, — проговорил полный человек.

Весь разговор слышала Инга. Она на подаренном приборе "Сердечко" выставила данные этого мужчины очень просто: она навела на него стрелку, прибор прошил клиента и прицепился к нему мертвой хваткой.

Молодой человек весь передернулся и впился глазами в Ингу:

— Я Вас люблю! — сказал он, не понимая смысла того, что сказал.

— Меня? — удивилась Инга.

— Вас. Правда, не знаю почему, — озадаченно ответил молодой человек.

— Господа, я понимаю ваши чувства! Идите в парк, он в трех минутах ходьбы, там и выясняйте свои отношения! — начальственно проговорил Владимир Иванович.

— Да, да, конечно, — пролепетал молодой человек. Взяв Ингу под руку, он вышел с ней из кабинета.

Инга не ожидала такой концовки разговора и шла как привязанная к молодому человеку с круглым животом. Но, выйдя на улицу, спросила:

— Простите, а Вы кто?

— Я — абориген городской. Местный я.

— А как такой живот наели?

— Не знаю. Живот сам растет. Я был стройным, молодым, красивым! Мне девушки улыбались. Сейчас я ничей.

— А живете где? Где Ваш дом?

— Где хочу, — беспечно ответил молодой толстяк. — Вы не поняли? Где кушать захочу, там и живу! У меня несколько квартир. Мне приходится часто ездить, где голод меня застанет, в той квартире и останавливаюсь.

— А жен у Вас тоже несколько?

— Никто меня не любит.

Инга жила в старом доме с высоким потолком и малым набором удобств, ей захотелось побывать в квартирах толстяка. В квартире красавца Мартина она уже была. Делать ей в его доме больше нечего. Но несколько квартир!

— Как Вас зовут, добрый молодец?

— Феликс сын Добрыни!

— Вы администратор нашего округа? — наугад спросила Инга.

— Нет, я сын главы нашего округа Добрыни Никитича.

— Как интересно! И я Вам нравлюсь?

— О, да! Имя Ваше — Инга? Я Ваши статьи о театре и цирке читал. От отца не узнаешь ничего.

— Впервые вижу своего читателя!

— И почитателя. Ближайшая моя квартира в двух минутах езды, предлагаю в нее заехать.

— С удовольствием! — просияла Инга и села в машину Феликса.

Машина подъехала к новому зданию, которое красиво смотрелось среди старых зданий района. Молодые люди вошли в холл, поднялись на лифте, вышли на большую лестничную площадку с двумя дверями, зашли в одну дверь.

Глаза Инги округлились и невольно стали осматривать помещение, над которым работали настоящие мастера интерьера.

— Кухня рядом, — потащил Ингу за собой Феликс.

Они вошли в кухню, похожую на просторный ресторан. Феликс сразу опустился в кресло у стола. Откуда-то появилась женщина средних лет.

— Феликс, подать обед?

— Она еще спрашивает! — и вдруг неожиданно для себя он ответил: — Я не хочу есть! Женщина от неожиданности присела на край маленького дивана.

— Инга, ты видишь шок повара? Пиши. Разрешаю. Хочешь кушать? Тебе принесут обед. Не бойся, у нас все вкусно!

— Я в этом не сомневаюсь и не откажусь, — ответила Инга с восторгом, оглядывая помещение, в котором все было красиво, добротно, современно. Она с аппетитом съела предложенную пищу. Она наслаждалась едой и видом помещения, в котором находилась по воле случая.

Феликс посмотрел, как Инга поглощает продукты, и сказал:

— Впервые вижу, что кто-то ест, а я — нет! Приятно!

— Я ничего подобного не ела, — промурлыкала довольная Инга.

— Ты меня радуешь! Знаешь, как трудно быть ходячим мячом?

— Не знаю. Я худая с тех пор, как себя помню.

— Инга, поживи в моей квартире. Я буду сюда приезжать. Тебя здесь будут кормить до отвала.

— У меня работа! Мне надо быть в театре.

— Считай, что у тебя отпуск от твоей работы. Здесь поживи. Повар живет рядом, а здесь готовит. Продукты мне развезут по моим квартирам.

Повар, убрав со стола, вскоре ушла домой.

— Феликс, а повар говорить умеет? — спросила довольная жизнью Инга.

— Наверное. Но со мной повар не разговаривает. Она просто готовит и угадывает то, что я хочу съесть.

Инга объелась, но признаваться в этом она не хотела. Она полулежала на кушетке. Ей лень было пошевелиться. Зато Феликс бегал по квартире и радовался тому, что он кушать не хочет! Он остановился перед сытой Ингой и удивленно заметил, что она красивая.

— Инга, ты очень красивая! Ты просто чудесная девушка.

— И ты красивый, — выдавила из себя Инга, засыпая от незнакомой для нее сытости.

— Я тебе нравлюсь? — с нескрываемым волнением спросил Феликс.

— Да, — сказала она, прикрывая тяжелые веки.

— И тебя не смущает мой круглый живот? — спросил он с надеждой на отрицательный ответ.

— Нет, — прошептала сквозь сон Инга и окончательно уснула.

Повар в еду добавляла успокаивающие добавки, которые сморили Ингу, не подготовленную к такой пищевой атаке. Феликс подозревал нечто подобное. Увидев спящую Ингу, он уверился в своих догадках. Раньше он всегда много ел и много спал. Инга уснула крепким сном.

Повар ушла.

Феликс стал обходить квартиру. Что он искал, он не знал, но в кухню он не заглядывал. Есть он не хотел. Ему все больше нравилась спящая девушка. Его друзья звали его внухом. Он не обижался. Он вообще всегда хотел кушать. Что такое любить женщину, он не знал. Его живот был такой большой, что он давно не видел то, что под ним находится.

Ему всегда было тяжело, душно и противно буквально от всего. Он пытался вести активный образ жизни, но засыпал раньше очередной попытки. Хорошо, что в короткий период отсутствия сна он набрел на прибор "Аппетит". Он пошел на кухню, сделал себе черный кофе без сахара и выпил эту черную мглу.

Молодой человек захотел втянуть живот, но у него ничего не получилось. Он лег на пол и попытался приподняться на руках, но живот держал его на почтительном расстоянии от пола. Он лег на спину, сделал попытку поднять ноги. Но выше угла в сорок пять градусов ноги не поднимались.

Феликс задыхался тяжело и подумал, что у него все получится, если вместо него будет кушать Инга, а прибор "Аппетит" будет снижать его чувство голода. Он достал прибор, посмотрел на стрелку, повернул ее в сторону "аппетит — ноль". Феликс поднялся с белого ковра, лежащего на полу. Он страстно захотел стать стройным! А все остальное — потом.

О Инге Зеленой все забыли. Она жила в доме Феликса и усиленно питалась. Он почти не ел, пил соки и воду. Она ела все, что повариха готовила ему. У него брюки в талии стали свободными. Она не могла надеть свою одежду. Феликс купил ей десяток халатов, чтобы она не ощущала свой новый вес, халаты скрывали изменения ее фигуры. Нет, пока она плыла только от избытка пищи. До любви они не доходили.

Феликс худел тяжело, особых сил у него не было. Спал он меньше Инги, и это его радовало. Повариха все доложила Добрыне Никитичу, но тот был занят очередными выборами и в жизнь сына не вмешался, тем более что ничего страшного не происходило. Молодой человек не хотел много есть, ну и что?

Вскоре Феликс стал ощущать легкость. Он уже выполнял некоторые упражнения. Он доставал до пальцев ног. Он с удовольствием надел джинсы меньшего размера. Инга одобряла его новый внешний вид. Ей нравилось жить в его квартире, смотреть на плоский экран телевизора. Она всегда знала, что она худая, и о своей фигуре не беспокоилась.

Они жили как сообщающиеся сосуды: его жир переходил к ней медленно, но верно. Он это видел. А она отдыхала за всю свою суетную жизнь и жила в полусне благодаря пищевым добавкам.

На ней всегда была майка и халат. Майки были куплены с одинаковым рисунком, но разного цвета. Он убирал из употребления те, из которых она вырастала. Так же было и с халатами.

Любопытно, но у нее не было желания выйти на улицу. В доме все делала проходящая домработница. Ингу не тревожили по приказу Феликса, он боялся остаться без нее. Ему казалось, что если она похудеет, то он опять начнет толстеть. Инга становилась блеклой, неухоженной, толстой. Феликс становился все более стройным, он отрастил волосы, которые ему укладывали в прическу. Он менял одежду и обувь. Голод его не мучил под воздействием прибора "Аппетит". Он с удовольствием отжимался уже раз десять от пола, а ноги поднимал на девяносто градусов.

И в какой-то момент он заметил, что ленивая домашняя Инга — девушка. Она в это время не спала и заметила, что Феликс — привлекательный молодой человек. Дома никого не было. Они по очереди встали на электронные весы: вес был у них одинаковый. Прибор "Сер-

дечко" и прибор "Аппетит" выключились одновременно, уловив сигнал весов. Но их сердца уже хотели трепетных отношений и любви. Им все было в диковинку, хотя вместе они прожили месяца три, но больше походили на сосуды для перекачки жира. И вот они уравнились.

Инга ходила по квартире и искала зеркало, но его не было. Она больше не хотела спать. Она заметила жиры на своем теле, ужас пронзил ее сознание. Она заметила относительную стройность Феликса. Он ей понравился.

— Инга, ты — чудо! Ты меня вернула к жизни! — ласково воскликнул Феликс.

— Я жирная! — крикнула, чуть не плача, Инга. — Я толще тебя!

— Ты меня спасла! У нас все будет отлично! — воскликнул счастливый молодой человек.

В отсутствие Инги производственные отношения Марины с Мартином пришли в норму, они работали на своих местах и не реагировали друг на друга.

Владимиру Ивановичу позвонил Феликс:

— Вы понимаете, что я продолжаю худеть? Я уже тощий! Что делать?

— В профилакторий иди! — сказал он и потянул руку к прибору "Коньячный поцелуй".

Раздумья Владимира Ивановича прервала Инга, она вошла в его кабинет и закрыла собой весь свет.

— Владимир Иванович, посмотрите, что Вы из меня сделали! Вам не стыдно?

— Инга, прости! Я не поставил защиту против глупости. Судя по тебе, наш прибор "Аппетит" хорошо работает. При продаже необходимо блокировать лишние функции прибора, чтобы потребитель их не смог перенастроить.

— Вы мне это говорите? Это мне неинтересно! Вы сделайте меня худой и стройной! Я не сбрасываю вес, он только набирается! Вы на Феликса посмотрите! Он совсем тощий стал! — кричала и причитала Инга на все лады.

— Инга, ты права. Я забыл поставить ограничитель уменьшения веса.

В комплекте к прибору надо продавать личные электронные весы, которые напрямую должны работать с прибором "Аппетит".

— Владимир Иванович, Вы мне свои мечты не рассказывайте, лучше мне ответьте! Я требую сатисфакции!

Владимир Иванович посмотрел на Ингу:

— Женщина, не кричи! Я думаю.

— Вы меня не разжалобите! Отвечайте за свои приборы! — закричала с новой силой Инга.

— Не спеши. Все будет. Я уже придумал. Исполнители у меня есть.

— Вы что себе под нос шепчете? Мне ответ дайте: когда вес начнет покидать мое тело?!

— Скоро. Потерпи пару недель. Мы усилим прибор, добавим ограничители, соединим с весами, которые будут блокировать ненужные клиенту параметры.

— Понятно. Тогда что я здесь делаю? Я могу уйти домой на две недели?

— Думаю, да. Тебя в профилактории нашей фирмы никто не держит.

— А Феликс может уйти со мной?

— Нет! — вскрикнул Владимир Иванович. — Феликс перешел разумные границы изменения массы тела! Он в дистрофика превращается! Его состояние несовместимо с жизнью!

— Владимир Иванович, Вы говорите, будто у Вас есть медицинское образование, — встала Инга свое слово.

— Не без этого. Приходится изучать медицину в рамках необходимости. У меня консультанты — медики. И в данный момент тебя с Феликсом необходимо отделить друг от друга на расстояние, на котором приборы не действуют. Понимаешь, приборы, оказывается, мини—роботы. Они тоже любят дружить парами и при этом не всегда помогают хозяевам.

— Феликсу не дадут погибнуть?

— Нет. Быстро покидай профилакторий! И уезжай подальше недели на две! Можешь сделать доброе дело для Феликса? Беги! Чего стоишь? Спасать парня надо!

Инга физически не могла бежать. Ей было тяжело и мучительно стыдно за свой внешний облик. Она всегда унижала тех, кто был толще ее, а теперь сама попала в эту жуткую свиную оболочку. Она пошла к выходу из профилактория, остановила такси, доехала до дома, посмотрела на свои сбережения. Благодаря жизни с Феликсом у нее были деньги на поездку. Она нашла прибор "Аппетит", взяла молоток и разбила его на мелкие части. Собрала сумку. Вещей у нее на новый вес почти не было, поэтому она решила ехать туда, где тепло.

Ночью Инге снился странный сон...

«Я тень, я живая, я спряталась под сводом подошвы Феликса. Он засмеялся от легкой щекотки и почесал ногу, а заодно коснулся меня. Мне приятно, я еще больше полюбила его и свернулась в маленькое овальное пятно, чтобы не исчезнуть вовсе, и пошла вместе с ним. Он подошел к бассейну, сбросил меня вместе с башмаками и нырнул в воду. Нырнул неудачно, не было у него прибора Клапана жизни. Свернул он себе шею о дно бассейна. Подбежала охрана, его выловили и отвезли в больницу. Любая операция стоит денег. Летняя ситуация со свернутыми шеями врачам хорошо известна, не все ныряльщики выживают. За Феликса заплатили наличными и ему сделали сразу две операции. При первой операции вынули нижнее ребро, при второй операции ребро вставили в шею. С двумя швами он вернулся в жизнь, но башмаки ему еще не светили, он лежал. Я, как его тень, отдыхала, я научилась жить под поднятыми частями тела Феликса. Ему было очень плохо, а я его утешала, как могла. Он моего присутствия не чувствовал. Я проснулась, перевернулась, посмотрела на черную ночь за окном. Я встала, подошла к окну, посмотрела на далекие и близкие звезды».

Инга подумала, что бывает так, когда наступает время остановиться в своей безумной деятельности. Не всегда она была помощником Феликса. Стоп. Стоп переделкам, стоп мыслям о Феликсе, стоп думам о других! Пора, пора выплеснуть мысли, которых нет в наличии. А, где их взять? Просто остановиться. Молодость и мысли юных всегда приветствуются, потом идет взросление, потом старение. Когда человек начинает стареть, то его все удивляет в своем самочувствии, но и это удивление проходит.

Что остается? Зарыть голову в песок безразличия к себе и замолчать. Трудно? Безвыходно. И тут голову или точнее мысли Инги посетил шпион Пион. Казалось бы, кто он? Безлик. Тщедушен. Высокомерен. Безнадежно неизвестен пространству.

Толстушка Инга Зеленая вышла на конечной остановке поезда, увидела кучку людей, предлагающих квартиры в аренду от трех дней. Она подошла к молодому человеку, сказала, что готова у него снять комнату на две недели. Молодой человек с тоской осмотрел фигуру квартирантки, вздохнул и повел ее к старенькой пятерке. Она села на заднее сиденье и увидела маленькую лысину своего арендатора. Они вышли у небольшого дома с многочисленными постройками, покрытыми черепицей, соломой, деревом.

Инге дали комнату с большой кроватью крепкой конструкции. Душ стоял в пяти метрах от ее жилища. Она взяла легкий халат, полотенце и пошла в душ. В двери она прошла с трудом. Несколько заноз впились в ее полные руки. Вода, естественно нагретая солнцем, не радовала. Она слегка скулила от радости жизни. Но после прохладных струй жесткой воды ей стало немного лучше.

В летнем халате, надев сланцы и шляпу из ткани, она пошла в сторону пляжа. На пляже все головы как по команде повернулись к Инге. Рты открылись и закрылись. На этом общественный интерес к ее особе исчерпался. Она не стала снимать халат и радовать публику телом, а скромно села под ветвями ивы, которые едва шевелились от ветра. К ней подбежал малыш и спрятался за ней, как за пригорком, — видимо, пляжные дети играли в прятки.

Вскоре дети полили Ингу из лейки, посыпали песочком. Она с ужасом смотрела на грязный и мокрый халат, почти единственный в ее гардеробе большого размера. После детей к Инге

подошла невысокая загорелая женщина и предложила заговорить ее от излишнего веса и снять порчу. Женщину перебила загорающая дама в соломенной шляпе, которая сказала, что заговорить от жира невозможно, но можно зубы заговорить, чтобы не брать пищу ртом. Пляжный юмор скрипел на зубах Инги песком. Солнце отошло в сторону. Тень от ивы исчезла. Стало нестерпимо плохо, душно, досадно. Она пошла в халате к морю и зашла в соленые волны.

У Феликса обнаружили в желудке странный нарост, перекрывающий желудок, который не пропускал пищу внутрь. Он признался, что так хотел похудеть, что прикладывал прибор к своему телу, а потом стал его привязывать, да так и спал с ним. Да, он чувствовал в этом месте небольшую боль, но считал, что прибор посылает в него свои сигналы с ориентировкой на похудение. Владимир Иванович, узнав о таком действии прибора, не удивился. Он предполагал, что нечто непонятное вполне возможно, но не до такой степени! Опухоль оказалась доброкачественного происхождения.

Но Феликс не хотел с ней расставаться, он боялся вновь растолстеть. Решили нарост уменьшить частично, поэтому залили его раствором, прекращающим рост клеток. У Феликса остался маленький шрам, но зато он вновь стал есть. Добрыня Никитич предложил сыну поехать на юг, отдохнуть после всего, что с ним произошло. Феликс подумал и согласился. Дома ему собрали багаж, довели до поезда. На последней остановке поезда он вышел, увидел встречающих брокеров, но не подошел к ним. Он предложил подошедшему к нему таксисту увезти его в самый дорогой отель города.

Феликс занял прекрасный номер на втором этаже отеля с видом на море. Он заказал еду в номер и с удовольствием поел. Он заметил, что до состояния переедания не дошел и вовремя остановился. Он вышел на балкон, сел в кресло, посмотрел в сторону моря и увидел нечто странное: со стороны пляжа двигался колобок на ножках. Он взял бинокль и увидел лицо Инги.

Его сообщающийся сосуд был переполнен сверх всякой меры. Он позвонил, чтобы ему привели колобка в номер. Он стал наблюдать, как два чудака в ливреях подошли к Инге. Они повели ее в гостиницу. Она идти не спешила. Через пять минут Инга стояла перед Феликсом. Она с нескрываемым удивлением увидела перед собой элегантного молодого человека с идеальной фигурой. Она посмотрела на себя и вздрогнула от ужаса.

— Инга, ты почему в одежде купаешься и загораешь? Ты до чего докатилась?

— Феликс, ты изверг чистой воды! Что ты из меня сделал? Я ничего не могу и не умею делать в этом теле! Забери его себе!

— Ты где остановилась? Впрочем, понятно, что не здесь. Я помню, что своей фигурой я частично обязан тебе. Ты долго собираешься здесь отдыхать?

— Я уезжаю завтра. Я здесь уже недели три живу вместо двух. Здесь тепло. Одеваться не надо.

— Со мной отдохнуть не хочешь?

— Чем у тебя лучше? Три твои комнаты пока пройдешь — устать можно. Пока к тебе поднималась, вся потом умылась. А у меня дверь из комнаты выходит во двор. Я пройду по тропинке пять метров — и в душ. Красота!

— Вот нищета! С кем я связался?!

— Феликс, купи мне билет на поезд, я все проела. Я уже не знаю, как домой вернуться. Вовремя ты здесь оказался! И хозяину моему за неделю заплати.

— Инга, ты еще поправилась? У тебя что, желудок резиновый?

— Не зли, давай деньги, и я пошла.

Феликс брезгливо протянул деньги некогда худой журналистке и вымыл после нее руки. Инга взяла деньги и пошла в первое кафе, расположенное по дороге. Она поставила два стула и села на них. Она заказала почти все меню на свой стол. Феликс с балкона видел, куда она зашла. Он подождал, подождал, но колобок из кафе не выкатился. Он опять вызвал двух человек в

ливреях, которые пошли выполнять его приказ. В кафе они с двух сторон приподняли колобка за руки и потащили к выходу.

Толстая Инга ругалась. Все посетители кафе наблюдали за происходящим, забыв о своих тарелках. Феликс пожалел колобка и спустился вниз. К нему подвели Ингу. Он стал звонить Владимиру Ивановичу и рассказывать о бедственном положении Инги. Она только ругалась вслед его словам.

Грановский, округлив глаза, посмотрел на вошедшую в его кабинет женщину — странное ощущение нереальности его несколько удивило — и спросил:

— Инга, это ты?

— Я — продукт вашего прибора "Аппетит".

— Прибор для похудения, а тебя разнесло!

— Я в Вашем кабинете познакомилась с Феликсом. Мы поехали к нему домой на час, а пробыла я у него три месяца, пока наш с ним вес не сравнялся!

— Здорово! Ты стала толстуха! А Феликс как выглядит?

— Он отлично смотрится.

— Инга, тебе зарплата причитается за три месяца и премиальные за удачно проведенный эксперимент.

— Это уже лучше. Но как я похудею? Феликс очень боится моего похудения. Ему кажется, что он растолстеет, если я уменьшусь.

— Глупость, так ему и передай.

— Вы ему сами об этом скажите! Он на седьмом небе от своей новой внешности. Отец ему новый автомобиль купил за личный подвиг. А я?! Мне носить нечего! Ничего у меня из одежды на новый вес нет!

— Ты похудей, тогда старая одежда тебя спасет.

— Отличный совет! А нельзя Феликсу мозги перепрограммировать так, чтобы он оставил меня в покое, а я как-нибудь стану прежней?

— Что ты предлагаешь?

— Знала бы — не спрашивала.

— Я подумала, но ничего пока не обещаю. Ты мне деньги за новую разработку не заплатишь, поэтому мне нужна еще такая заявка от состоятельного человека.

— Мне работать у Вас или в редакцию возвращаться? Там не поймут мое отсутствие.

— Иди в редакцию. Мы тебе дадим официальную бумагу, что ты была на задании от администрации Добрыни Никитича, что почти правда.

— Гоните?! Я Вам толстая не нужна?

— Спокойно! Инга, поработай пока на стороне. Нужна будешь — найдем.

Инга резко развернулась и ушла получать и тратить деньги. Вы ели когда-нибудь целлюлозу? Нет? А что так? Прелесть еще та, она как наждак проходит по горлу, потом хлебобулочные изделия в горло не полезут, они будут для вас наждаком. В этом, вероятно, заключается секрет похудения. Сорвав себе горло, Инга перешла на жидкую пищу.

Через некоторое время она вплыла в офис фирмы, раскачивая пышными формами. Все удивленно посмотрели на нее.

— У вас нет пистолета? — спросила Инга и вытерла пот на лице.

— Инга, пистолетов полно! Но где ты так растолстела?! — удивленно спросила Марина.

— Феликс виноват, — ответила Инга, присев на диван (стулья были не ее размера). —

Понимаете, господа изобретатели, меня раздувает во все стороны. Вначале я была по весу такой, как Феликс, но он остановился в одном весе. А я все расту во все стороны! Дайте пистолет!

— Инга, живи! — воскликнул Мартин. — Есть новая модификация прибора. Я тебя сейчас перепрограммирую, и ты начнешь худеть.

— Не обманываете? — спросила Инга, прикрывая маленькие глаза от усталости.

Мартин не обманывал, это было дело чести фирмы. Он взял новый прибор "Аппетит" и настроил его на Ингу, потом поставил контроллер веса на уменьшение. Он вызвал санитаров из местного профилактория, и Ингу унесли худеть под присмотром врачей. Ингу привезли в профилакторий фирмы. Хирург был удивлен строением желудка Инги, который увеличивался после каждого приема пищи весьма странно. В нем находились три тонких кольца иноземного происхождения, именно они увеличивались в диаметре, изменяя в размерах желудок, и вызывали дикий голод у молодой женщины.

Владимиру Ивановичу осталось выяснить, как эти три упругих кольца оказались у нее в желудке. Инга рассказала, что однажды повариха Феликса дала ей три конфеты в красивых ободках. Она их проглотила целиком, но в памяти остались ободки. Спросить у поварихи о конфетах Владимиру Ивановичу не удалось, она больше не работала у Добрыни Никитича.

Владимир Иванович считал, что он разрабатывает и внедряет в жизнь безвинные электронные игрушки психотропного назначения. То, что ему показали отросток из желудка Феликса и кольца из желудка Инги, привело его в очередной транс. Но долго унывать он не мог и пришел к элементарному выводу, что кто—то кроме него вмешивается в его игру. И еще момент: материал отростка был неземного происхождения, словно к стенке желудка был приклеен некий элемент, который питался тем, что посылал ему желудок.

Кольца из желудка Инги по составу земных аналогов не имели.

Владимир Иванович решил, что это дело добрых рук Добрыни Никитича. Бред, но он видел кольца сам, собственными глазами. Она, после того как из нее вынули кольца, стала умнее. Да, она еще была толстая, но ее поведение уже вызывало уважение. Она ела все меньше и меньше, при этом прибор "Аппетит" даже не включала.

В офис вошел театральный режиссер Тимофей Куклин и спросил:

— Что здесь у вас происходит? Где наша милая журналистка Инга Зеленая? Она наша лучшая корреспондентка! Она замечательно описывала наши спектакли! И теперь нас некому афишировать в печати! Верните Ингу! — застучал он кулаками по столу.

— Господин Куклин, не шумите! Инга перенесла операцию, сейчас ей уже лучше, можете ее навестить. — сказала Марина.

— Правда? — с надеждой спросил Куклин. — Мы без нее словно сироты никому не нужные! Без статей нам жизни нет!

На крики Куклина вышел Грановский:

— Господин Куклин, простите, Вы еще используете наши приборы "Театр" для эмоционального настроения зрителей?

— Владимир Иванович, конечно, используем! Мы все используем для привлечения зрителей: и актерские таланты, и новые постановки, и великолепные декорации.

— Вы могли бы один прибор "Театр" дать мне для проверки параметров? Потом мы Вам его вернем, — попросил Владимир Иванович Куклина, глядя ему в глаза с мольбой.

Куклин из кармана достал прибор "Театр" и протянул его Владимиру Ивановичу, который в мгновение ока ушел к себе в кабинет. Куклин пошел в профилакторий, где находилась Инга. Перед Тимофеем стояла женщина, а с нее, как с елки, свисали жировые складки кожи. Он передернулся от неожиданности и омерзения. Он взгляделся в глаза женщины:

— Инга, это ты? Когда ты стала бочкой такой? Да ты уже на цистерну смахиваешь.

— Куклин, это — я! — почти весело воскликнула Инга.

— Когда вылезешь из этого кожаного костюма, можно будет с тобой поговорить?

— Это не костюм! Это я такая! — возразила со слезами молодая особа.

— Могла бы зайти в костюмерную, взять телесный костюм, померить. Но зачем самой в костюм превращаться? Я не понял!

— Тимофей, не тронь мой жир! Мне и так несладко! Ты чего от меня хочешь?

— Театр и я лично нуждаемся в твоих статьях о спектаклях в нашем театре, о новых постановках. Слушай, ты лучше меня знаешь, что тебе надо писать!

— Могу начать хоть сегодня! Но мне нужен аванс. У меня нет еды и одежды. Да и другие расходы требуют дохода.

Режиссер Куклин вышел из профилактория без денег и без прибора "Театр".

Инга, довольная полученными деньгами, позвала на помощь Марину:

— Марина, помоги мне купить что-нибудь из одежды. Мне вечером идти в театр, а на мне только больничный халат с дырками от частого использования.

— Инга, о чем речь, поехали покупать одежду!

Дамы вышли из офиса.

Владимир Иванович сел за стол Марины, сидеть в своем кабинете ему было немного страшно. Он вскрыл прибор "Театр". Прибор был абсолютно нормальным, никого постороннего вещества в нем не было! Он вздохнул полной грудью, вытеснив из души и пяток остатки страха. Директор положил руку на руку, склонил на них голову и уснул за столом.

Добрыня Никитич лично тряс спящего Владимира Ивановича, пытаясь его разбудить. Но директор мычал, урчал и спал сидя так крепко, как и на перине редко спят. Глава округа сдался и сел в кресло, оглядывая пустой офис, открытые в кабинет двери. Он, не выдержав одиночества, крикнул:

— Ау, здесь есть кто-нибудь?!

Открылась дверь в кабинет менеджера, и сам Мартин показался в дверном проеме:

— Добрыня Никитич, Вы к Владимиру Ивановичу? Он очень устал. Чем могу Вам служить?

— Мартин, объясни, что вы сделали с моим Феликсом? Почему ему дважды оперировали желудок?

— А хирург ничего не сказал?

— Хирург сказал, что причину знает Владимир Иванович, а он спит крепким сном и не просыпается.

— Если я скажу, что в желудке Вашего сына обнаружили нарост неземного происхождения, Вы мне поверите?

— А за один раз его нельзя было удалить?

— Мы тогда еще не знали, что новообразование слишком серьезное и обладает свойством интенсивного роста.

— Феликс жить будет?

— Он жив, из его желудка вынули странное вещество. Хотели бы мы знать, как оно туда вообще попало? У Вас нет врагов инопланетного происхождения? Одно могу сказать, что в наших приборах такие материалы не используются. Еще нечто подобное хирурги вынули из желудка Инги. А она сказала, что помнит эти кольца, видела их маленькими на конфетах. Конфеты ей дала Ваша повариха, которая у Вас уже не работает, это все, что мы выяснили.

— Какая длинная цепь событий! Повариха, говоришь? Не я поваров принимаю и увольняю. Супруга Нимфа Игоревна знает больше меня. Вот ее визитка, созвонись. — сказал Добрыня Никитич и стремительно вышел из офиса.

Владимир Иванович поднял голову:

— Добрыня Никитич ушел? Молодец, Мартин, ты грудью меня прикрыл! Ценю. Слушай, ты с его женой Нимфой Игоревной сильно не заигрывай, а попытайся выяснить происхождение непонятного материала. Не тяни с этим вопросом, звони ей сейчас, а я домой поехал.

Владимир Иванович задумался: а может быть, его приборы — пустышка, и влияют на клиентов весьма иные факторы? Как всегда, додумать ему не дали, перед ним появилась

Марина, качаясь на полусогнутых ногах. Глаза ее были пьяны, речь бессвязна, в руках она держала прибор "Коньячный поцелуй".

— Марина, ты пила коньяк или тебя так развезло от прибора?

— Шутите, не помню. — сказала она и трупом рухнула на пол.

Пришли санитары и унесли даму в палату—вытрезвитель. Проба на коньяк показала полное его отсутствие, алкоголя в крови не нашли и ее перевели в общую палату. Вела Марина себя неадекватно, но и запрещенных веществ в ее крови не обнаружили. Все показатели крови были в норме, просто в идеальных пределах. Марину перевели в экспериментальную палату, куда не поступали никакие психотропные сигналы извне, но и это даме не помогло. Врачи проверили ее психическое состояние с большим трудом и ничего не смогли сказать конкретно, им все казалось, что Марина элементарно пьяна, и они отказывались давать заключительный диагноз.

Владимир Иванович взял у Марины прибор "Коньячный поцелуй", вскрыл его и ничего не понял. Он его конструировал, разрабатывал, но ничего знакомого в устройстве не было. Прибор не был пуст: в нем лежал предмет, занимающий всю внутреннюю полость. Материал Владимиру Ивановичу был не знаком, но он выделял коньячный запах такой силы, что у директора голова закружилась от неожиданности. Он закрыл прибор и положил его в герметичный сейф, предназначенный для предметов неизвестного происхождения, где уже лежали кольца из желудка Инги и кусок непонятно чего из желудка Феликса.

И тут Владимир Иванович подумал, что у Феликса в желудке остался еще кусок этого вещества. Хирург, делая ему полостную операцию, не извлек непонятный отросток полностью, а зря. Не успел Владимир Иванович отойти от сейфа, как к нему подошел Феликс и сразу завалился у его ног. Рентген ничего не показал, при операции хирург обнаружил, что поврежденное вещество заполнило весь желудок Феликса. Видимо, после усечения вещество некоторое время находилось в покое, а потом стало расти с большей скоростью, словно оно рассердилось за нанесенное увечье. Феликса удалось спасти.

Владимир Иванович затаился, задумался. Он абсолютно не мог понять, что произошло с его приборами. Кто вторгается в них? Кем и когда производится замена содержания приборов? У него проскочила мысль: а что если то, что он положил в сейф, начнет расти? Директор открыл сейф, который был заполнен все тем же веществом. Он резко закрыл сейф. Это уже кое-что: вещество любит заполнять полости.

Но откуда оно взялось на его голову?

Мужчина ощутил нервную дрожь. У него возникло чувство страха. Ужас пронзил его насквозь. Его мышцы сжались. Усилием воли он взял с демонстрационного стенда прибор "Страх". Открыл его, но и в нем находилось вещество, извергающее из своих недр ощущения страха и ужаса. Он быстро закрыл прибор, боясь, что вещество заполнит весь кабинет. Его трясло, он ежился, у него возникло ощущение, что он стал меньше в размерах. Владимир Иванович буквально на коленях выполз из кабинета и растянулся у стола.

На его счастье, Марина вернулась на свое место, после того как он забрал у нее опьяняющий прибор. Она укрыла его дежурной шалью, напоила чаем. Владимир Иванович пришел в себя. Сидя в кресле для посетителей, он слегка дрожал, но необъяснимый страх потихоньку его покидал. Он не любил говорить. Он любил думать. Марина, зная его особенность, не отвлекала его разговорами.

В офис вошел Мартин и сказал:

— Продажа приборов идет хорошо. Нарекания от потребителей практически не поступают. Надо заказать на изготовление дополнительные серии.

— Быть не может, — возразил Владимир Иванович. — Должны быть недовольные среди тех, кто купил наши приборы! Да кому нужно то, что мы делаем?

— Нужно — покупают — платят. — сказал Мартин и спросил: — Что с Вами, Владимир Иванович?

— Кошмары меня преследуют! Я не знаю, как от них избавиться, — отговорился он от вопроса.

— Владимир Иванович, люди просят успокаивающие приборы, даже название придумали — "Плес".

— Если платят — сделаем. — сказал Владимир Иванович и сам себе не поверил. Он поймал себя на мысли, что биологическое вещество, которое заменяет электронное устройство, весьма перспективно. Но кто Конек—Горбунок, поставляющий вещество, — неизвестно. Он встал и ушел в кабинет.

Марина и Мартин остались одни.

— Марина, что с Владимиром Ивановичем происходит?

— Это не с ним, а со всеми нами происходит, а что именно — я не знаю. Шеф не отвечает.

Мартин подумал, что он должен посетить жену Добрыни Никитича. Пусти козла в огород или Мартина к новой даме! Осваивать пространство незнакомых женщин — его хобби. Он позвонил жене Добрыни Никитича, госпоже Нимфе Игоревне. Ее голос и через телефонную связь приятно подействовал на его слух. Они договорились встретиться немедленно, ведь речь шла о здоровье ее сына Феликса, а такая тема открывала дверь в ее дом мгновенно.

Мартин даже не пытался представить, как выглядит первая дама округа Изумруд. Он предполагал увидеть частный дом за каменным забором, но увидел фешенебельный многоквартирный дом, стоящий за металлической изгородью с выкованными диковинными животными, покрытыми серебристой краской. Он нажал на звонок, расположенный на панели рядом с дверями. Если судить по числу звонков, то число хозяев в доме было невелико, но велики у них были квартиры. Дверь открылась. За Марином пришел мужчина в светлом костюме с галстуком и проводил его к хозяйке.

Ноги Мартина прошли по светло—серой плитке, поднялись по лестнице, зашли в лифт, большой и светлый, пересекли роскошный паркет и остановились у двери в квартиру. У него возникло ощущение, что сопровождающего его красавца он уже видел, но при других обстоятельствах. Дверь открылась.

Навстречу Мартину выплыла в развевающихся голубоватых шелках прекрасная женщина. Она была очаровательна в легких волнах густых волос, струившихся по плечам до пояса. Молодая особа была стройная, роста среднего, с идеальным лицом. Нимфа Игоревна собственной персоной остановилась перед Марином и жестом пригласила его пройти за ней к мягкой мебели, обтянутой голубоватой кожей. Они сели в кресла. Перед ними стоял овальный столик, покрытый толстым стеклом, под которым были видны живые рыбки, плавающие в аквариуме, расположенном чуть ниже прозрачной столешницы. Столик и кресла стояли на кучерявом голубоватом ковре.

Глаза Мартина невольно оторвались от внешнего облика Нимфы Игоревны и уставились на рыбок, плавающих практически у его колен.

— Мартин, так что Вы хотели у меня выяснить? — спросила женщина певучим голосом.

— Нимфа Игоревна, в желудке...

— Так, меня не интересует содержимое желудков! Кто конкретно Вас интересует?

— Меня интересует повариха из квартиры Феликса, расположенной на проспекте Изумруд.

— Хорошо, но у него не было поварихи! У него был повар! Вы ничего не путаете?

— Так говорит журналистка Инга Зеленая, жившая у Феликса, пока он худел, а она толстела.

— О Инге—журналистке я наслышана.

— Нарцисс, подойдите ко мне. — сказала Нимфа, нажав на кнопку, расположенную в подлокотнике кресла.

В комнату вошел человек в светлом костюме и в галстук.

— Нарцисс, молодой человек утверждает, что у Феликса была повариха на проспекте Изумруда.

— Нимфа Игоревна, Вы прекрасно знаете, что Феликс жил в трех или пяти квартирах одновременно, расположенных в разных концах города для быстроты приема пищи. Видимо, повара переходили из квартиры в квартиру, и вполне возможно, что в какой—то момент они сменили место работы.

— Но я не давала разрешение на работу поварих, я брала только мужчин—поваров, чтобы мальчик в них не влюблялся!

— Так мы и взяли немолодую женщину—повара, вряд ли бы он в нее влюбился!

— Хорошо. Получается, что женщина—повар была. В чем она виновата? — прервала Нимфа Игоревна.

— Повариха дала Инге и Феликсу продукты, содержащие вещество неземного происхождения. Инга утверждает, что кольца она видела маленькими на конфетах, она пыталась их снять с конфет, но они не снимались, и она их проглотила. Феликс съел другую конфету, — ответил Мартин.

— Нарцисс, видишь, к чему приводит твоя самодеятельность? — величественно спросила Нимфа Игоревна.

— Повар сама конфеты не делает, их привезли из округа Пики готовыми! — выкрикнул Нарцисс.

— Проверим поставщиков. Как скоро Вам нужна информация? — засуетился Нарцисс.

— Вчера, — буркнул Мартин, заметивший взгляды между парой.

— Нарцисс понял, что ему надо найти поставщиков загадочных конфет, о результатах непременно Вам сообщим. — сказала Нимфа Игоревна Мартину с прощальной улыбкой. Она медленно поднялась с кресла и растворилась в голубоватом шелке портьер.

Мужчины остались одни с рыбками в аквариуме. Мартин понял, что никто ничего не найдет, и пошел к выходу в сопровождении Нарцисса.

Владимир Иванович, выслушав отчет Мартина, предположил:

— Нарцисс приехал из округа Пики и работает в доме Нимфы Игоревны? Вероятно, он знаком со шпионом Пионом. Мы у него ничего не узнаем, скорее всего, он и добыл эти конфеты! Тем более что Нимфа Игоревна реагировала на ситуацию весьма спокойно! Возможно, они сами подложили конфеты, чтобы Феликс похудел, но не ожидали, что все так получится.

— Если Нарцисс — человек Нимфы Игоревны, то чей человек Илья Львович? — спросил Мартин.

— Илья Львович — человек Добрыни Никитича! У них семейные разборки на уровне правительственных реформ, — усмехнулся Владимир Иванович.

— А где Нарцисс берет неземное вещество?

— Слушай, Мартин, я не разведчик! Мы теперь знаем, через кого вещество появилось в квартире Феликса. Где Нарцисс его взял — интересно, но нам этого пока не дадут узнать. Думаю, что шпион Пион дал неизвестное вещество Нарциссу. Хотелось бы знать все свойства данного вещества из округа Пики.

— И почему Вы такой умный?! — воскликнул Мартин и ушел на свое место.

Журналистка Инга Зеленая в театре произвела фурор. Она явилась в балахоне, словно сшитом из вишневых бархатных портьер, на себя абсолютно непохожая. Все актеры сочли своим долгом сказать ей, что она прекрасна и хорошо выглядит. И никто не рассмеялся. Все были сдержаны с ней и корректны. Она радовалась возвращению в театр и с удовольствием взирала на сцену. Инга уже что-то строчила в миниатюрный ноутбук.

Феликс из больницы приехал домой, лег, вызвал повара и приказал ему подать всю еду, что он приготовит. Мужчина—повар приподнял белый колпак от растерянности, потом водрузил его на голову и пошел на кухню готовить и подавать еду по мере готовности молодому

хозяину. Желудок у Феликса еще болел, но он считал, что он голоден больше всякой боли. После операции его шов смазали такой чудесной мазью, что шрам исчез практически на глазах, поэтому Феликса быстро выписали домой под наблюдение медсестры.

Медсестра пришла в разгар трапезы и чуть чувств не лишилась от пиршества больного. Она запретила Феликсу кушать в таком количестве. На замечание он едва махнул рукой. Она его пугала тем, что шов разойдется. Но он был невменяем. Он ел! Она позвала повара и стала его увещевать, но ее голос никто не слышал. У них были разные задачи. Медсестра позвонила в профилакторий. Ей по телефону посоветовали перезвонить Владимиру Ивановичу.

Владимир Иванович выслушал медсестру и сказал, что скоро сам к ним приедет. Он взял с собой два прибора "Аппетит" из последней серии и один прибор "Страх" со странным веществом. Он настроил три прибора и направил их на Феликса, поставив "Страх" между двумя "Аппетитами", и попросил медсестру в это время говорить о необходимости прекратить потребление пищи.

Феликс еще немного пожевал и вдруг отодвинул от постели многоярусный столик на колесиках. Его знобило. Он округлил глаза и попытался что—то сказать, но язык его заплетался. Он замолчал. Лег. Сжался. Медсестра его укрыла и сделала укол. Он уснул. Владимир Иванович показал медсестре, как надо пользоваться приборами, и покинул дом на проспекте Изумруда.

Через некоторое время к Владимиру Ивановичу пришел грустный Феликс, чтобы сказать спасибо за то, что он своими приборами "Аппетит" и "Страх" ограничил его потребление пищи без третьей хирургической операции. Владимир Иванович и сам видел, что Феликс неплохо выглядит, но уж очень он был подавлен. Настроение у него было хуже физического состояния.

— Феликс, в чем твоя новая проблема, если с аппетитом ты справился? — спросил доверительно Владимир Иванович.

— Владимир Иванович, причина простая. Ингу от меня увел режиссер Тимофей Куклин, у Куклина ее забрал Ваш менеджер Мартин, а теперь вокруг нее вьется неуловимый шпион Пион. А мне что делать прикажете?

— Ты смотри, какая журналистка популярная женщина! Какие люди вокруг нее! Мне, что ли, приударить за ней? — нарочито весело спросил Владимир Иванович.

— Вас еще мне не хватало! — рассердился Феликс, сверкая гневным взглядом.

— Хорош! — невольно воскликнул Владимир Иванович. — Ты, Феликс, молодец! Возьми новый прибор "Сердечко—2" и переориентируешь Ингу на себя. Все просто!

— У меня что-то было на этот счет! — неуверенно проговорил молодой человек.

— Есть новый вариант прибора, более сильный. — сказал Владимир Иванович, думая о приборе "Сердечко—2".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.